

Уверенно и точно в сроки наш корабль покрывал расстояние между двумя материками.

На одном остались воспоминания о неповторимой юности, о днях полного расцвета духовных и физических сил, безжалостно растоптанных под ногами фанатиков-тиранов, другой пугал, как богатый дядюшка, к которому с"езжаются бедные родственники на поклон, заранее готовые перегрызть горло тем, кому будет брошена лучшая кость-подачка.

Мысль настойчиво кружилась вокруг недавнего прошлого.

Невиданный ураган сметал города и селения. Как обглоданные скелеты торчали среди развалин, чудом уцелевшие, остатки каменных многоэтажных зданий и только оголенные трубы, простертые ввысь, как руки гигантов, говорили о тех невыразимых муках, когда растерявшийся человек ищет защиты и спасения в небесных глубинах.

Перебитые железными лианами остатки внутренних сооружений нависали кругом над скрюченными от пламени железными балками и все, что веками созидалось, все было навеки похоронено под кучами пепла и мусора - все стало праком.

Казалось, что я и все мои спутники, пережившие весь ужас экспериментов вождей и оставшиеся в живых, после адского соревнования на поле брани всех последних достижений науки и техники, те же духовные скелеты, в глазах которых можно было читать безумие пережитого, страх перед надвигающимся настоящим, тоску и печаль о далеком, всегда милом, прошлом, оплеванном и оскверненном по чужой и по нашей вине.

Вот оно то "Преступление и наказание" Достоевского, которое вся Россия переживает ныне и кривляясь перед всем миром, с затаенной петлей у горла, кричит на парадах перед трибунами своих мучителей: "Жить стало лучше - жить стало веселей".

Океан был тих и дыхание его чувствовалось в невысоких, перекатывающихся волнах.

Парили легкокрылые чайки - предвестники желанного берега.

Хотелось верить в свое право на отдых духовный и мысленно со всем своим народом-страдальцем я искала убежища за большой монастырской стеной и склоненная, в молитвенном экстазе, у престола великого печальника твердила неустанно: "ОТЧЕ СЕРГИЙ, ДИВНЫЙ, С ТОБОЮ ИДЕМ, С ТОБОЮ ПОБЕДИМ".

Ритмичные, однотонные вздохи машин, шум и грохот от разбивающихся, в равномерные промежутки, набегавших волн все будило желание о тихом пристанище.

Великое зло, неслышанное кощунство совершено над душой русского человека.

В светлые ризы служителей церкви Христовой облеклись прислужники темной силы. Увенчана грудь военачальников эмблемой святых мучеников рядом с орденами во имя разрушения всего святого, чем прославились они в веках.

Каждый из нас, кто на обломках прошлого, вступал в настоящее, хранил у себя что нибудь заветное с далекой родины.

Почерневшие крестики, иконки, с поблекшими от времени ликами, ладонки, флакончики со святой водой, полуистлевшие тряпицы одаяний близких родных, - все казалось той реликвией, которая не только спасает, но и путь достойный указывает во имя спасения тех, кто остался в тисках тирана.

Какой то, очевидно, чуткий и наблюдательный путешественник сказал, что только два города в мире - Нью-Йорк и Марсель могут наполнить душу тем широким размахом земных просторов, которые ощущаешь живя в Одессе.

Мне все же было жутко и тяжело от первых впечатлений наступающего причала, после десятидневного созерцания безбрежных просторов Творца в огромном океане.

В"ехали в устье Гудзона.

Я почувствовала себя сжатой в тисках и вся собралась в настороженный комок. А что, если и там, где я ожидаю конца своих мытарств и бедствий снова придется напрягать нечеловеческие усилия, чтобы вырваться из человеческих пут зла, лжи и обмана.

Как ласковая мать приглубила статуя Свободы.

Был ранний рассвет, факел в руках ее погас и я оторвавшись взором от той, кто только немного утешил, а не путь осветил, насторожившись, вместе с мачтами корабля, продвигалась взором к заветной цели.

В тумане начали обрисовываться какие то силуэты и самые нетерпеливые принимают огромные нефтяные баки за первые недоскребы.

Ловим взором еще не погасшие маяки.

Скоро, скоро берег и хочется верить, что будет он землей обетованной и удачники, чья нога коснется ее должны вознести самую горячую молитву к престолу Всевышнего за свое спасение и за всех, кто следуя стопами Христа выполнил наибольшую заповедь Его.

Совершенно неожиданно на горизонте обрисовалась гигантская скала, Воедино слились издали все небоскребы и, как грозный, предостерегающий великан, всем массивом обрушился на почти обессиленное и тело и воображение.

Улетели, как стая испуганных, молодых воробушек, все мысли и только чувство безмерного страха перед предстоящей борьбой завладело всем сердцем.

Неужели придавит?

Неужели придется сдаться на милость победителя - безжалостного Рока?

Туман рассеивался.

Отделились одна от другой частицы великана.

Солнце, радостное, утреннее солнце, позолотило окна бесчисленных небоскребов и боль постепенно притуплялась и растворялась в искрящих, всеми цветами радуги, солнечных бликах.

Захлебываясь от впечатлений невиданного зрелища, любуясь чудесами архитектурного искусства, соединившего в себе все стили прежних эпох, смело рождая попутно свои новые, победные, устремленные все в ту же небесную высь, в незримые просторы, в которые так тщетно при жизни рвется душа человеческая, уставшая от скорби земной.

И я почувствовала, что этот город не будет мне чужой, что стану я его частицей, что будет он тем Золотым Берегом, на котором в детстве доверчиво резвилась я в родном городе на берегах Черного моря.

Промелькнули, как в чудном сне, картины предместий: широкие улицы, наводненные снующими автомобилями, которые казались огромными жуками; сказочные воздушные мосты, повисшие в пространстве; мелькали белые, черные, желтые лица нарядных обитателей - все казалось какой то сказкой и на вопросы моих гарантов которые увозили нас с мужем в собственном авто за город я, закрывая глаза, молила: "О, я ничего вам не могу ответить, ибо ни разум, ни душа, ни воображение не могут так быстро реагировать на столь обильные чудеса.

Слишком резкий контраст между прошлым и настоящим, слишком много света после непроглядной лагерной тьмы.

-!-!-!-!-!-!-!-!-